

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ИВАНОВ Вилен Николаевич — доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН. Неоднократно публиковался в нашем журнале.

«Достоинство нации ставится выше
благополучия людей.»

Н. Бердяев

Выявление причин резкого обострения межнациональных отношений в стране, поиск выхода из сложившейся накаленной ситуации, когда нередко проливается человеческая кровь, требуют их рассмотрения в широком социопсихологическом контексте с учетом нынешних реалий и ближайших перспектив.

Всем очевидно, что лозунги первоначально выдвинутые перестройкой («ускорение социального развития», «больше социализма» и т.п.) как, впрочем, и сама она в целом, оказались несостоятельными. Сегодня идет смена наших идеалов и ориентиров. На повестку дня поставлен вопрос уже не реформирования, а замены одной общественной системы другой. Начался этап коренных преобразований, суть которых состоит в переходе от государственно-монополистической модели общества к рыночно-демократической. Этому периоду присущи экономическая и политическая нестабильность, рост социальной напряженности, разрыв прежних хозяйственных взаимосвязей, сокращение объема производства, инфляция, падение уровня жизни трудящихся, сопротивление консервативно-реакционных сил, леворадикальное прожектерство, шараханье из стороны в сторону, недиалектическое отрицание собственного исторического опыта и идеализация опыта развитых капиталистических стран.

Словом, происходит ломка старых порядков и болезненно трудное утверждение новых. Все это прямо влияет на жизненный уклад наций, приводит в движение подспудные, скрытые ранее механизмы, вызывает сокровенные надежды и приносит горькие разочарования. Ведущую тенденцию здесь можно определить как пробуждение национального достоинства народов, стремление к созданию подлинно суверенных, независимых государств. И носит она изначально конфликтный характер, ибо влечет за собой серьезное обновление политических структур, обоснование принципиально иной идеологии и иных ценностных ориентаций, вступающих в противоречие с воззрениями, глубоко укоренившимися в пору господства административно-бюрократической системы управления, насаждавшей, согласно «интернационалистским» декларациям, унитаризм и однообразие во всем, не считавшейся в должной мере с самобытностью, традициями и культурными потребностями этнических общностей.

Последствия политики намеренного игнорирования этнической и культурной специфики (тем более репрессии и дискриминация применительно к целым народам) неуклонно наращивали внутреннее недовольство и протест. Постоянное же «откладывание» накопившихся проблем под прикрытием тезиса о решенном национальном вопросе в СССР увеличивало потенциал будущих коллизий.

Произошедшие в конце 80-х — начале 90-х годов события в Азербайджане,

Молдове, Узбекистане, Кыргызстане, Грузии показывают, что конфликтность в отношениях между нациями обрела агрессивность, насилие. Спрашивается: что обусловило подобную эволюцию? Ведь ясно, конфликты (межнациональные в том числе) как имманентное общественному развитию социальное явление не предполагают непременно насильственного разрешения лежащих в их основе противоречий. Следовательно, ответ нужно искать, не ограничиваясь анализом развертывающихся процессов. Важно понять роль насилия на всем временном протяжении социалистического эксперимента.

Даже самый общий ретроспективный взгляд позволяет увидеть: насилие как инструмент социального деяния и достижения поставленных целей в той или иной форме неизменно воздействовало на формирование репрессивного массового сознания, соответствующих ему установок и норм поведения. Ставка на насильственно-террористические методы была неизбежна в обществе, не имевшем объективных и субъективных предпосылок для строительства социализма, и тем не менее начавшем его (это привело в конечном счете к самодискредитации социалистической идеи). Уместно отметить, что уже в первые годы советской власти принудительную практику общественного переустройства подверг острой критике Эдуард Бернштейн, прямо указавший; там, где большевики проводили насильственные мероприятия, не считаясь с экономической обусловленностью, «они терпели самое жалкое крушение». И далее: «опыт этот, к сожалению, бесчисленными жертвами должен был оплатить русский народ» [1] (добавим от себя — не только русский).

Кстати, о масштабах урона, нанесенного русским, говорят такие цифры: среди заключенных ГУЛАГа, созданного «для изоляции классово чуждых, социально опасных, подрывных, подозрительных и прочих неблагонадежных элементов», число русских было во все годы сталинского режима абсолютно преобладающим. Так, в 1939 г. из 1 317195 узников их насчитывалось 830491, в 1940 г. соответственно из 1344408—820089, в 1941 г. из 1 500524— 884 574, в 1942 г. из 1415 596 —833 814, в 1943 г. из 983974 — 600 146, в 1944 г. из 663 594 — 403 851, в 1945 г. из 715 505 — 441 723, в 1946 г. из 746 871 — 303 132, в 1947 г. из 808 839 — 412 509. При этом следует иметь в виду, что доля осужденных за так называемые контрреволюционные преступления была особенно велика и колебалась от 34,5% в 1939 г. до 59,2% в 1946 г. [2].

Конечно, это не означает, что русскому народу остается встать в позу пострадавшего и требовать «исторической сатисфакции». Истории предъявлять претензии бессмысленно. Но он может и должен сделать необходимые выводы. И один из главных заключается в недопустимости какого бы то ни было насилия над естественным ходом жизни, насаждения экономически необоснованных форм хозяйствования, надуманных схем и ограничений, идущих якобы от изначальных коммунистических принципов и идеалов, а на деле представляющих их профанацию. Очень точно заметил в свое время известный русский философ И. Ильин: «Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспосабливаться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но заменить ее — нечем; а произвол будет для нее губелен» [3].

Действительно свободные общественные отношения (разумеется, и национальные) органически складываются из интересов их участников, а не внедряются «сверху» по абстрактно-теоретическим принципам, даже если они и выглядят привлекательными. Лишь на основе такого подхода возможно избавление от принуждения как атрибута социальной практики.

Из попыток объяснить происходящее ныне в рамках многонационального взаимодействия обращает на себя внимание концепция обратного насилия, предложенная И. Крупником в ряде публикаций. Автор, в частности, отмечает, что насилие выражается не только в подавлении или принижении имперским обществом национальных традиций, государственности, религии, разговорного языка покоренных народов, но и в прямом проникновении в сферу контактов между ними.

Оно играет разлагающую роль. Его уровень в нашем обществе возрастает. Парадоксально, но уже в условиях перестройки, провозгласившей курс на гуманизм и демократию, произошел новый всплеск преступности, как никогда разгорелись межнациональные распри с применением оружия, поджогами, убийствами, депортацией и т.п. «Нынешнее поколение как бы оплачивает предыдущие трагедии, отдает сейчас насилие, которое пало на головы отцов и дедов» [4].

Проявление всякого рода произвола рождает ненависть и страх, на длительное время становящиеся доминантами массового сознания. Причем, ненависть в первую очередь к тем, кто допустил насилие. Ее углубление в государственном сожигательстве наций не может не вызывать беспокойства.

Интересные соображения о природе коллективной ненависти принадлежат Вацлаву Гавелу, показавшему ее потенциальные возможности и даже некую притягательность. В частности, она освобождает человека от чувства одиночества, покинутости, слабости, бессилия, приниженности, придает людям ощущение общности, братства, основанного на очень простом способе объединяющего взаимопонимания. «Что может быть легче, чем иметь общий объект отрицания и усвоить общую „идеологию кривды“, во имя которой следует этот объект отвергнуть? Сказать, например, что во всех несчастях мира — и прежде всего каждой обиженной души — виноваты евреи, цыгане, немцы, арабы, негры, вьетнамцы, венгры или чехи: это так просто и так понятно! И всегда найдется достаточное число вьетнамцев, венгров, чехов, цыган или евреев, поступками которых можно проиллюстрировать мысль, что именно они во всем виноваты» [5].

На базе изначального восприятия общественной несправедливости, недооцененности, ущемленности формируется «ненавидящее единство», легализующее агрессивность, оправдывающее ее, придающее ей видимость законности и необходимости. Этому единству противостоит конкретно указанный «виновник», с которым можно не церемониться. Насилие питает коллективную ненависть и само получает от нее новый толчок.

Важно особо подчеркнуть, что в межнациональных конфликтах немало спонтанного, стихийного, взрывного, связанного с импульсивным поведением больших масс людей, объединенных определенной идеей, настроением, устремлением. Здесь многое можно раскрыть с позиций социальной психологии (в противовес распространенному объяснению сегодняшних столкновений главным образом экономическими причинами). Кровавые эксцессы в Сумгаите, Фергане, Оше и других «горячих точках» имеют нечто общее на поведенческом уровне: агрессия с самого начала исходила от разъяренной толпы, находившейся во власти эмоций. Поведение неуправляемого человеческого сборища в экстремальных обстоятельствах всегда привлекало внимание исследователей. Интересно, что еще в 1905 г. во Франции была издана книга «Революционный невроз», в которой в качестве первопричины многих массовых беспорядков назван панический страх.

Поистине, действия толпы, жаждущей расправы, мести, крови аналогичны или во всяком случае очень схожи с поведением под влиянием панического страха¹. Они произвольны, разрушительны, иррациональны. Это апогей животного инстинкта, вслед за которым следует развязка, как правило, горестная (хотя и не в одинаковой степени) для всех вовлеченных в конфликт. Не случайно, анализируя социально-психологические истоки ферганской резни, узбекский писатель Тимур Пулатов подчеркивает типичность ситуации, «когда толпа несет в себе сразу множество разнородных настроений, кажущихся взаимоисключающими, но тем не менее

¹ В отличие от страха панического есть еще глубинный, затаенный, «упрятый» в подсознание. Трагическая история нашей страны свидетельствует о том, что советские люди были длительное время подвержены ему. Корни его происхождения и воздействие на общественное бытие с большой художественной силой показаны Анатолием Рыбаковым в романе «Страх» (из цикла «Дети Арбата»). В интервью газете «Россия» писатель отметил: «В течение десятилетий шел процесс дегуманизации общества. И страх, осознавали мы это или нет, был его решающим элементом... Полное изживание страха как социального явления дело поколений» [6].

движущихся в едином потоке энергии — от законных до преступных» [7, с. 234]. Наверное, не так уж мы далеко ушли от минувших эпох со свойственными им беспощадной нетерпимостью, взрывными эмоциями, социальным эгоизмом. В мирные, спокойные времена все это находится под спудом, «в заторможенном состоянии», однако стоит положению обостриться, стоит задеть чьи-то интересы (экономические, территориальные, культурные), чьи-то национальные чувства, и глубоко спрятанные жестокость, вражда, злоба охватывают своей демонической страстью сердца людей. А проявленные однажды они не забываются, не прощаются и с неизбежностью «воскресают» уже в виде актов отмщения.

Быстрое распространение сильных и целенаправленных чувств образует нечто вроде «единого эмоционального поля». По сути оно создается главным образом посредством «психологического заражения», происходящего тем интенсивнее, чем более конформичны действующие лица (например, в толпе). Некоторые социальные психологи наряду с термином «психологическое заражение» употребляют и термин «психологическое нападение», означающее скорое шоковое воздействие одного человека (лидера, вождя) или относительно небольшой группы людей, выступающих в роли глашатаев, распространителей идей на широкие массы. Поступки подвергшихся такого рода обработке чаще всего не достаточно осмыслены, к тому же воля многих из них бывает подавлена, они как бы попадают в гипнотический поток, который стремительно их увлекает.

Разбор конкретных событий в конкретных регионах говорит о том, что наряду со спонтанным, стихийным проявлением эмоций имели место и заранее «отрежиссированные» действия. Были и подготовленные, хорошо вооруженные боевики, и одурманенная молодежь. Вот что пишет Т. Пулатов, касаясь упоминавшегося выше конфликта: «Судя по массовости и размаху беспорядков, тут было несколько движущих сил; поначалу разрозненные, они постепенно сошлись, слились. Но при всей их спаянности... до некоторой степени просматривались интересы каждой. Откровенная, жестокая уголовщина, вылившаяся в убийства, поджоги, ограбления, сочеталась с демонстрациями, митингами, участники которых выдвигали экономические и экологические требования, и все это получало еще, так сказать, "духовную" окраску в выступлениях небольшой части местной интеллигенции, в умах которой сумбур из идей Ленина, ультрасовременных лозунгов перестройки и исламских догм оказались сильнее здравого смысла» [7, с. 233]. Особо он отмечает роль дешевой мафии, искусственно нагнетавшей атмосферу в регионе и выступавшей зачинщиком кровавых событий.

В обстановке идеологической сумятицы, «психологического перевозбуждения», с одной стороны, и слабости правоохранительных органов, общественного контроля, с другой, — кровопролития избежать очень сложно. К тому же распространенность идей, утверждающих приоритет эгоистически понимаемых национальных ценностей, создает для эксцессов благоприятную питательную среду.

Как убеждает современная социальная практика, грань между национальным и националистическим весьма подвижна. Сознание советских людей было всегда в значительной мере мифологизировано. В перестроечные годы старые мифы разрушились, что само по себе вызвало неизбежное чувство потери чего-то существенного у старшего и среднего поколений. Об этом точно сказано в статье Л.Я. Гозмана и А.М. Эткинда, посвященной психологическому анализу нашей истории. О чем конкретно идет речь? Об утрате личностью ощущения: принадлежности к сильному и доброму народу; включенности в движение по магистральному пути мировой цивилизации; подвластности могущественному, никогда не признающему своих ошибок государству; безопасности среди равных друг другу людей, живущих общей жизнью и всегда готовых прийти на помощь; превосходства над порочным и не ведающим очевидных истин миром [8]. Разумеется, этим не ограничивается содержание социальных переживаний, возникших в процессе перестройки и повлиявших на общий психологический климат в стране. Не менее значимы чувства разочарования и растерянности, порожденные осознанием неоправ-

данности многочисленных Жертв, принесенных на алтарь закончившегося неудачей возведения «царства свободы», или сегодняшними невзгодами, обрушившимися на общество. Не удивительно поэтому, что национальная идея, оказываясь по существу единственной, воплотившей в себе надежду на достойную народа жизнь, стала доминировать в массовом сознании, чем незамедлительно воспользовались определенные силы для достижения своих узкогрупповых, национал-сепаратистских целей.

Трансформировав национальную идею в националистическую, пришедшие (или стремящиеся) к власти на местах национальные элиты при поддержке радикальных групп в политических движениях выступили с призывами, отнюдь не способствующими оптимизации межнациональных отношений. Под их прикрытием развернулась борьба за власть, территорию, материальные ресурсы.

В теоретических концепциях и политической практике националистически настроенных лидеров явно просматриваются усиление этатистских тенденций, ориентация только на собственную государственность, своеобразная абсолютизация последней (одна нация — одно государство). На этой платформе осуществляют национальное сплочение, которое на деле превращается в объединение нации против кого-то, формируют «образ врага» (Центр, империя, русские и т.д.) и на него направляют народное негодование. К этому нужно добавить создание различных общественных и политических организаций мононационального состава, претендующих на роль выразителей национальной идеи, а по сути обеспечивающих утверждение правящей этнократии, сталкивающей коренное и русскоязычное население.

Возникновению национализма нередко способствует национальная предрасположенность, в основании которой чаще всего лежат расхожие стереотипы, недостаточное знание культуры, истории и обычаев других народов. Проведенное в 1991 г. в ряде регионов (Москва, Кемеровская, Оренбургская и Псковская области, Ставропольский край, Северная Осетия) социологическое исследование, охватившее свыше 5 тыс. человек, показало известную распространенность подобной предрасположенности. На вопрос «Есть ли национальности, к которым вы испытываете неприязнь?» положительно ответили от 20 до 35%.

Неприятие людей иной национальности в сложных социально-экономических условиях растущих дефицита, инфляции, безработицы - «мина замедленного действия», которая в состоянии привести к внезапному обострению конфликтов. Обращает на себя внимание высокий процент отметивших неприязненное отношение к «южным коробейникам», занимающимся торговлей в городах России: Москва — 72% респондентов, Ставрополье — 65%, Кемеровская область — 63%, Псковская — 60%, Оренбургская — 56%. Оно может еще более укрепиться по мере роста цен и падения платежеспособности значительной доли городского населения. Распространяющееся недовольство нынешним положением и поиск виновников активизируют историческую память, пробуждают в ней все негативное, что накопилось за многие годы. Например, истоки некоторых из современных этнотерриториальных споров восходят к глубокой древности. Повышенный интерес к ним и тем более разного рода спекуляции чреваты разжиганием страстей. В результате такого «наложения» исторического на актуальное возможны резкая концентрация неудовлетворенности, возникновение своеобразной «психологической эпидемии» отвержения «чужих», стимулирующей агрессивные поползновения. На каком-то этапе вероятно взрывное проявление коллективных эмоций (коллективного бессознательного), а это обуславливает необходимость применения экстраординарных мер. Причем реальна опасность их неадекватности масштабам и характеру происходящего, что в свою очередь усиливает отрицательные эмоции, порождая таким образом цепную реакцию общего возмущения. Социально-психологическую напряженность питают и низкая культура межнационального общения, протекционизм, нарушение конституционных прав личности, дискриминирующее национальное меньшинство. Эти выводы подтверждаются следующими данными (таблица).

Распределение ответов на вопрос "С какими из нижеперечисленных явлений вам приходилось сталкиваться в повседневной жизни?", %

Варианты	Регионы				
	Псков- ская обл.	Орен- бург- ская обл.	Кеме- ровская обл.	Ставро- польский край	Москва
Недружелюбные высказывания о представителях других национальностей	31	25	43	33	35
Сохранение предрассудков, мешающих установить дружеские отношения между представителями разных народов	19	18	20	19	20
Неприязненное отношение к людям иных национальностей, приезжающим на работу и постоянное жительство в вашу местность	16	17	22	36	25
Использование религии и чувств верующих для возбуждения межнациональной вражды	3	3	3	6	8
Назначение на руководящие или престижные должности по национальному признаку	6	10	11	9	9
Отсутствие в органах власти представителей некоторых национальностей, проживающих в вашей местности	5	8	16	4	3

Нельзя обойти вниманием воздействие на национальное самосознание демографических процессов. Можно допустить, что именно «демографическое неблагополучие» детерминирует латентную межнациональную конфликтность. Если любые иные негативные явления, например, связанные с социальной несправедливостью, вызывают, как правило, быструю ответную реакцию, то демографический фактор создает, похоже, своеобразный фон национального недовольства. Скажем, падение в национальном составе какой-то республики удельного веса давшей ей название коренной нации вселяет понятную тревогу в сердца ее представителей за будущее своего народа. Это подчас находит выражение в попытках законодательно обеспечить определенные социальные преимущества для него, воспринимаемых другими национальными группами как дискриминационные, и ведущие к усилению вражды между нациями. О неприятии подавляющей частью населения самой идеи привилегированного положения коренных наций говорят и результаты социологического исследования. Отрицательное отношение к ней засвидетельствовали: в Москве — 73% опрошенных, Северной Осетии — 65%, Ставропольском крае — 67%, Кемеровской области — 57%, Оренбургской — 73%, Псковской — 77%.

Многоаспектный характер межнациональных конфликтов предполагает такие пути урегулирования, которые позволили бы влиять на события в разных сферах и разными средствами — от правовых до социально-психологических. Устранение существовавшей долгие годы сверхцентрализации, увеличение экономических и политических прав республик, а затем признание их независимости, образование новых координационных механизмов уже сами по себе способны снизить концентрацию накопившихся проблем, перевести назревающие конфликты в спокойное русло, погасить их. Ведь они могут быть и между независимыми государствами, и внутри них (например, национальное большинство против инонационального меньшинства). Не исключены территориальные претензии и пограничные споры.

Сегодня особенно актуальна разработка общей концепции реконструкции всей системы межнациональных отношений, учитывающей новые формы сотрудничества бывших союзных республик, а ныне суверенных государств, настоятельность развития горизонтальных связей между ними, нового статуса автономий и т.д. Речь идет об установлении такого национально-государственного устройства, которое позволило бы развязать узлы хронических противоречий, сохранить и приумножить потенциал взаимодействия народов, обеспечить коллективную

безопасность. Равноправие, равенство, баланс интересов, диалог — ключевые принципы, претворение в жизнь которых поможет оптимально сочетать национальные традиции и прогресс, реализовать права и социальные возможности всех граждан независимо от национальной принадлежности. Объединяющий фундамент здесь должны составить общие экономические потребности. Рынок сделает их еще более очевидными. И тогда тенденция хозяйственной интеграции станет доминирующей и нейтрализует стремление к обособлению и сепаратизму. Она создаст нужные предпосылки для более прочных контактов во всех областях общественной практики, для национального и гражданского согласия. Только понимание того, что братские народы составляют взаимосвязанное и взаимозависимое единство, требующее тесной экономической кооперации, приведет к признанию выгоды (а значит, и необходимости) содружества независимых государств, его развития и укрепления.

В подобной целесообразности убеждает пример сегодняшней Европы (и не только ее), где интеграционные процессы развиваются настолько интенсивно, что уже по-новому рассматриваются вопросы национальных границ и политического суверенитета государств, входящих в ЕЭС. Характеризуя нынешнюю европейскую ситуацию, французские исследователи М. Анбер и Ж. Буассон, в частности, констатируют: «Логика национального государства и логика рыночной цивилизации несовместимы» [9].

К такому состоянию цивилизованности нам еще только предстоит прийти и, думается, не скоро. Создание в новых, значительно осложнившихся после августовского путча, условиях единого экономического пространства, межреспубликанской хозяйственной инфраструктуры децентрализованного сотрудничества (совместные предприятия в пограничных районах, совместное кооперативное строительство, свободные экономические зоны, открытая торговля и т.п.) — важный этап на этом пути.

Целесообразно создание в районах с обозначившимся напряжением в межнациональных отношениях общественных структур типа «круглого стола», смешанных антиконфликтных комиссий, групп по спорным вопросам с привлечением к работе наиболее авторитетных специалистов, в обязанность которых входило бы обобщение и распространение опыта достижения согласия, компромиссов, ведения переговоров и т.д.

Будучи делом внутренним для того или иного государства (региона), межнациональный конфликт на любой своей стадии испытывает внешнее воздействие, он отнюдь не «безразличен» к нему. Отсюда важна миссия посредника, особенно, когда противоречия слишком глубоки и стороны не могут найти обоюдоприемлемого решения. В прежние времена на эту роль мог бы претендовать Центр. В нынешние же целесообразно создавать специальные межгосударственные (межрегиональные) комитеты по примирению, которые могли бы влиять на конфликтующие стороны. Не нужно исключать в сложных ситуациях возможность обращения за помощью к международным организациям по линии ООН.

Заметное место в разработке средств и способов преодоления межнациональных конфликтов принадлежит прогнозированию. Видимо, полностью устранить такие в обозримом будущем не удастся. Их возникновение следует предвидеть, чтобы незамедлительно принять должные меры по предупреждению, локализации или скорейшему, с наименьшими потерями, разрешению.

Осмысливая получаемую благодаря регулярно проводимым социологическим и социопсихологическим исследованиям информацию, очень важно своевременно определить так называемое поле общности, т.е. совокупность вопросов, в обсуждении которых позиции потенциальных субъектов спора наиболее близки. Постепенное расширение этого поля и сужение зоны разногласий может создать необходимые предпосылки для восстановления согласия и даже сотрудничества, во всяком случае стать важной предпосылкой предупреждения конфронтации.

События последнего времени (уже после провала государственного переворота в августе 1991 г.) свидетельствуют о том, что эскалация напряженности в отно-

шениях между нациями продолжается. Обострились проблемы границ, коллективной безопасности, единого экономического и правового пространства и др. Своевременная и объективная оценка обстановки, полноценное информирование общественности полезны для совместного поиска путей предотвращения конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн Э. Маркс под седлом // Новое время. 1991. N 29. С. 43.
2. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социол. исслед. 1991. N 6. С. 11, 17,21,26.
3. Ильин И. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. N 7. С. 85.
4. Крупник И. Семь объяснений // Дружба народов. 1990. N 11. С. 243.
5. Гавел В. О ненависти // Знамя. 1991. N 6. С. 188.
6. Анатолий Рыбаков: «Мы не ценим своей истории» // Россия. 1991. N 33.
7. Пуятов Т. Причины и следствия // Дружба народов. 1990. N 11.
8. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопр. философии. 1991. N 3. С. 168.
9. Анбер М., Буассон Ж. Кризис, крах, бум. Париж, 1988. С. 208.